

Прохожий Пьеса в двух картинах

Крестьянин

Старуха

Прохожий

Дубов

, командир партизанского отряда

Офицер белой армии

Вахромеев

, его ординарец

Писарь

Партизаны

Офицер.

Донеси: я с эскадрой в шестьдесят клинков занял без боя деревню
Туманово. Партизанский отряд красных под командой шахтера Дубова пока не
обнаружен.

Под окном голоса, шум.

Ищу оружие. Веду обыск, допрос, разведку. Всё! Можешь идти.

Офицер

. Почему шум? Что там? Базар? Свадьба?

Ординарец

. Народ для допроса пригнали, ваше благородие. Люди, я прямо скажу,
вредные. Мне одна старуха нахально в личность плюнула. Прикажите ввести,
ваше благородие?

Офицер

. Давай по очереди. Стой! Почему у тебя сапоги известкой заляпаны?

Ординарец.

Сметана, ваше благородие! Как, значит, бывши на поисках оружия, раздавил я
впотьмах крынку. Она же, старая ведьма, подняла тревогу и плюет на меня,
как из пулемета. Вы с ней поаккуратнее, ваше благородие: она и на вас
плевнуть может.

Офицер

(спокойно)

. Застрелю на месте. Давай пропускай по очереди.

(Садится за стол, подвигает бумагу и пишет.)

Офицер

(отшатываясь и вынимая наган)

. Стой! Куда прешь? Отойди к порогу!

Мужик

. Солдат пинком тыркнул, ваше благородие... А то нешто я сам как войти не знаю?

Офицер

. Ну и что же, что тыркнул! А ты входи прямо, спокойно. Здесь тебе не цирк и не танцы.

(Пауза.)

Нам донесли, что в вашей деревне есть оружие, которое вы прячете, чтобы передать партизанскому отряду Дубова. Отвечай: где спрятаны винтовки, пулеметы, бомбы? Да смотри, мы всю землю перероем, а все равно разыщем.

Мужик

. Ваше благородие! Да зачем зря силу тратить? И мы и деды наши вокруг этого места, почитай, двести лет землю роем, а про такое и не слыхали. Плиту чугунную на пашне однажды выворотили, это было. Яму под оврагом нашли. Там — горшки, черепки, камень и скелет старинного вида! А чтобы пушка, аэроплан или хотя бы ружье попало — этого в нашей почве нету.

Офицер

(ударив мужика нагайкой)

. Я с тобой поговорю! Я тебе прикажу всыпать шомполами, так ты у меня и сам превратишься в скелет старинного вида!

(Кричит.)

Вахромеев!

Ординарец

(входит)

. Здесь, ваше благородие!

Офицер

. Отведи этого мужика и прикажи запереть
(смотрит в окно)

вот сюда, в церковь. Там и двери тяжелые и решетки железные. С ним допрос будет особый!

Офицер

. Это ты, убогая, на моего солдата плюнула? Да, тебя дожидаясь на том свете, черти семь крюков наточили, а ты все еще безобразничаешь!

Старуха

. Я, батюшка! Я! Такой солдат окаянный! Лезет в погреб. Какую-то ружье спрашивает, а сам сапожищем как в крынку сметаны двинет! Ну, я и согрешила, батюшка. Прямо так в морду ему и плюнула!

Офицер

. Поп тебе батюшка, а я — офицер. Наши солдаты ищут оружие. Говори: где спрятаны винтовки, патроны, бомбы?

Старуха

. Бомб у меня нет, батюшка. В той-то кадучке, что под лесенкой, огурцы малосольные. А в другой капуста. Ты б его наказал, батюшка! Такой солдат непутевый! Давай в огурцы саблей тыкать. Мать моя! Гляди, чуть кадку не продырявил. Ты уж, если такой приказ вышел, ищи аккуратно. Ты спроси у меня ложку, половник, сядь и перебирай в мисочку. А он же, ваше благородие, схватил железу и давай тыкать.

Офицер медленно поднимает наган на старуху.

Да ты что, золотой, так на меня уставился? Я не икона.

Офицер

. Дура! Это наган... Оружие. Я вот сейчас надавлю пальцем (показывает)

, отсюда огонь ударит, пуля выскочит — и ты... будешь мертвая.

Старуха

. И, батюшка! Скажешь тоже, не подумавши! Да за что же она, пуля, в меня скакать будет? Твой солдат мне в погребе убыток наделал, да я ж еще виновата!

Офицер

. Тебе что?

Ординарец

(тихо)

. Прохожий, ваше благородие. Имеет стремление к неотложному сообщению.

Офицер

. Веди!

Ординарец

. А эту?

(Показыва

е

т на старуху.)

Офицер

. Гони со двора нагайкой. Или нет: запри ее тоже в церковь. Пусть лучше убогая грехи замаливает, а то сейчас пойдет звонить по деревне.

Ординарец

(старухе)

. Идем!

(Опасливо заслоняет лицо ладонью.)

Ишь ты! Так и глядит, так и глядит мне в личность. Это она, ваше благородие, еще плевать на меня хочет!

Офицер

(нетерпеливо)

. Ладно, ладно! Здесь тебе не обедня. Что за человек? И чего тебе надо?

Прохожий

. Сирота, ваше благородие. Житель деревни Костриковой. Будучи изгнан с родного пепелища декретом красных, бежал искать пристанища и защиты.

Офицер

. Гм! А велико ли было твое пепелище?

Прохожий

. Две лавки да один трактир, ваше благородие! Лишен всего во мгновение ока.

Офицер

. И что же ты, сирота, от меня хочешь? Уж не думаешь ли ты, что так и кинемся мы отбивать твой трактир и лавки? У нас дела поважнее: нам Москву занимать надо.

Прохожий

. В добрый час, ваше благородие! Однако же Москва от вас пока далеко, а вот дубовские партизаны близко.

Офицер

. Где близко? Говори коротко, ясно. Понятно?

Прохожий

. Дитя малое и то поймет. Иду я по Синявской дороге...

Офицер показывает направление, прохожий повторяет жест.

Дай, думаю, искупаюсь. И свернул к мосту.

Офицер рукой показывает направление, прохожий повторяет движение офицера.

А тут такой ракитничек, кусточки, кусточки. Вдруг: «Стой!» Выходят три молодца при полном оружии, и стали они меня спрашивать: «Много ли на Тумашовой деревне вооружения? И какое там стоит войско?» Я им и говорю: «Войско стоит небольшое — человек двадцать. Вооружение обыкновенное. Пулемета не видел».

Офицер

(подозрительно)

. А зачем сказал мало? Почему не соврал — триста... четыреста...

Прохожий

. Ваше благородие, на четыреста Дубову не подняться, когда у него человек с полсотни, не больше, а так, проведавши про малую вашу силу, как хищные звери наскочат они к рассвету. Тут вы их всех и положите.

Офицер

. Почему к рассвету? Разве они тебе это сказали?

Прохожий

. Не сказали, но таков их закон природы, ваше благородие. Коршун бьет птицу из-под солнца. Волк ползет к загону под месяцем. А партизан вашего брата на заре губит. Иной солдат ночь не спал. Иной как раз загрустил с похмелья. А иному шибанет в голову какая-нибудь греза... сновидение. Вот тут-то они и ата-та-та, голубчики!

Офицер

. Гм! Так ты хочешь, чтобы мы устроили им засаду? Хитер ты, я вижу, сирота, да не знаю, как тебе верить.

Прохожий

. Ваше благородие, а вы возьмите к себе в залог мою душу и тело! Моя правда — мне почет, а нет — так делайте со мною что хотите.

Офицер

. Ну смотри! Душа мне твоя не нужна, а уж с телом... в случае чего, мы

разберемся. Я тебя запру. Там сидят уже двое, а ты около них вертись да потихоньку слушай, слушай...

(Пауза.)

Прячут здесь где-то оружие для Дубова... Крепко запрятали!

(Пауза.)

Эй, Вахромеев!

Ординарец

(входит)

. Здесь, ваше благородие!

Офицер

. Отведи этого человека и запри в церковь.

Ординарец

. Слушаюсь, ваше благородие!

Прохожий

(ординарцу)

. Ты, солдат, когда будешь вести меня мимо народа, дай мне раза два в шею, чтобы, значит, не было у людей на меня подозрения.

Ординарец

(к офицеру)

. Дать, ваше благородие?

Офицер

. Ну, дай, если человек просит.

Прохожий

. Да ты смотри, голова, бей только для виду. Ты кулаком бей. А то еще долбанешь прикладом, так потом и не встанешь.

Офицер

. И это все?

Писарь

. Все, ваше благородие. Оружие... конечно, боевого смысла не имеет. Разве вот... сабля.

Офицер

. Выкинь, дурак, на помойку и позови ко мне остальных командиров...

(Стукнул кулаком по столу.)

Ничего! Дело будет!

